

ОБ УКЛАДАХ И МНОГОУКЛАДНОСТИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

И. В. Кузнецов

Смена общественно-экономических формаций вызывается, как известно, противоречием между развивающимися новыми производительными силами и сковывающими их старыми производственными отношениями. К. Маркс по поводу этого писал: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы»¹. В классовом обществе смена формаций происходит, как известно, или в результате революций, или путем проведения реформ. В первом случае старая формация ликвидируется более решительно (что определяется, впрочем, размахом революции); во втором — упразднение прежней формации осуществляется более медленно, пережитки ее часто существуют долгое время и играют существенную роль в истории страны, сохраняясь, как принято считать, в виде укладов. Однако понятием «уклад» в социально-экономическом смысле могут определяться не только остатки предыдущих формаций, но и вызревающие в лоне старой антагонистической формации новые производительные силы и производственные отношения.

Для смены одной формации другой требуется наличие внутри старой формации элементов новой, то есть более высоких производительных сил и производственных отношений, разлагающих старую формацию и создающих предпосылки для перехода к новой. При переходе от феодально-крепостнической формации к капиталистической такими предпосылками были значительный рост товарного хозяйства, торгово-рыночных связей, возникновение мелкобуржуазного уклада, создание в сфере промышленности на основе развития ремесла и кустарных промыслов капиталистической мануфактуры, которая, как отмечал В. И. Ленин, «с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию»².

После реформы 1861 г. в России осуществился переход к новой, капиталистической формации. В. И. Ленин писал: «19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи»³. Это означает, что господствующим, ведущим способом производства в России стал капиталистический, несмотря на то, что ему были присущи специфические особенности, вытекающие из наличия в стране значительных феодально-крепостниче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 542.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 174.

ских пережитков. В письме в редакцию журнала «Отечественные записки» К. Маркс отмечал: «Очутившись в лоне капиталистического строя, она (Россия.— И. К.) будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы»⁴. Следовательно, в основе научного анализа истории пореформенной России должно лежать изучение его новых этапов развития капитализма как формации, создания в его недрах материальных, социальных и идейных предпосылок для победы социалистической революции и перехода к социализму.

Между тем отдельные историки (М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, В. В. Адамов), пытаясь определить дальнейшие пути изучения этой актуальной проблемы, по существу, подменяют определение русских экономических порядков как буржуазного общества⁵ рассуждениями о «многоукладности» как особом типе экономического строя, закономерности развития которого нельзя объяснить «чисто формационной схемой». Такой подход нашел, в частности, отражение в отдельных статьях сборника, выпущенного кафедрой истории СССР Уральского университета совместно с Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»⁶. К. Г. Левыкин, А. М. Сиволобов и Г. В. Шарапов по этому поводу совершенно справедливо отмечают: «Попытки теоретического обоснования многоукладности как особой, специфической только для русской экономической системы (или как для системы, представляющей особую модель капитализма) также, на наш взгляд, содержат серьезные ошибки методологического характера. Так, в статье М. Я. Гефтера дается новое определение понятия общественно-экономического строя. В сущности, автор сводит его к понятию многоукладности на том основании, что многоукладность — это вся экономика и в конечном счете весь общественный строй России изучаемого нами времени (см. стр. 83). Данная интерпретация сущности общественно-экономического строя как многоликой суммы укладов отличается от известного в марксизме определения общественно-экономической формации, «как совокупности данных производственных отношений»⁷. В настоящей статье предпринимается попытка критически рассмотреть так называемую теорию многоукладности в плане характеристики основных этапов развития капитализма в России, а также места и роли различных укладов в этом развитии.

Общеизвестно, что капитализм в промышленности зарождается на базе мелкого товарного производства и проходит через три стадии: простая капиталистическая кооперация, капиталистическая мануфактура, фабрика, основанная на применении системы машин. Капиталистическая мануфактура сложилась в России в дореформенное время и имела своей основой широкое разделение ручного труда. Возникновение фабрики означало коренное изменение в области техники производства, связанное с заменой ручного труда машинным. Это явление, протекавшее на Западе в довольно бурных формах (например, в Англии во второй половине XVIII в.), получило у основоположников научного социализма наименование промышленного переворота. В. И. Ленин, критикуя Сисмонди, мелкобуржуазного идеолога, праотца народничества, писал: «Он жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала первые свои шаги на континенте Европы, когда начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не

⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М 1951, стр. 222.

⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 159.

⁶ «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности». Свердловск. 1972, см. стр. 85 и др. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

⁷ «Вопросы истории КПСС», 1973, № 11, стр. 110.

«капитализма» вообще), преобразование, которое принято называть в экономической науке *industrial Revolution* (промышленная революция)»⁸. Общепринято считать, что в России промышленный переворот происходил более медленно. Внедрение машин началось здесь еще в 40-х годах XIX в. и продолжалось, как полагает большинство историков, до 80-х годов того же столетия. Эти годы и принято считать периодом, когда в России происходил промышленный переворот. Советские историки в данном случае следуют за Ф. Энгельсом, который, говоря о судьбе русской общины, отмечал: «Я ничуть не сомневаюсь в том, что во многих округах община оправилась от удара, полученного ею в 1861 г. ...Но сможет ли она выдержать непрерывные удары, которые наносит ей промышленный переворот, неудержимо развивающийся капитализм...»⁹.

Здесь Ф. Энгельс употребляет и в отношении России термин «промышленный переворот». Между тем отдельные авторы упомянутого сборника берут под сомнение правильность понимания «промышленного переворота» как выражения объективного процесса развития капитализма (или развития производительных сил) и пытаются заменить его понятием «индустриализация», разумея под этим попытки преодоления экономической отсталости, характерной лишь для стран особого типа развития, к которым они причисляют и Россию. Так, В. В. Адамов в предисловии к сборнику пишет: «Следует, вероятно, подумать об отказе от термина «промышленный переворот» для XIX—XX вв. Этот термин можно заменить более емким, скажем, «индустриализация» (предложения такого рода уже делались), или понятием уровня цивилизации или цивилизованности, которым охватывается не только техника, но наука и культура» (стр. 12). По нашему мнению, этого делать нельзя. Промышленный переворот касается изменений уровня техники, а понятие «индустриализация» включает многие другие моменты: вопросы о накоплении, капиталовложениях, рабочей силе и т. д. Оно широко применяется для характеристики современного развития как капиталистических, так и социалистических стран. Поэтому следует не смешивать, а углублять каждое из этих понятий применительно к конкретному пути развития той или другой страны. Предложение ввести вместо термина «промышленный переворот» понятие «уровень цивилизованности» ведет фактически к попыткам оторвать надстройку от базиса.

Промышленный переворот знаменовал собой утверждение эпохи промышленного капитализма, который характеризуется наличием свободной конкуренции, отсутствием, как правило, монополий, хотя отдельные монополии и могли тогда возникать и исчезать. Общепринято, что стадию промышленного капитализма Россия переживала с 1861 г. до начала XX столетия, когда уже сложился империализм. Однако К. Н. Тарновский утверждает, что капитализм в России почти не знал периода свободной конкуренции. Подразделяя государства на страны «раннего» и «позднего» капитализма и причисляя Россию к последним, он пишет, что «главная особенность капиталистической эволюции стран второго типа заключается в том, что они не знали четко выраженного капитализма «свободной конкуренции» (стр. 27). М. Я. Гефтер, касаясь вопроса о политике Витте, направленной на «поощрение индустриализации», и причинах «краха, каким явился для политики Витте в целом совпадение экономического кризиса 1900-х годов с дипломатическим и общеполитическим», заявляет: «Неслучайность этого совпадения обнажает одну из самых глубоких закономерностей пореформенной

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 231.

⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 163.

эпохи: проскакивание через этап «свободного» капитализма, ускорив внедрение и рост верхушек капитализма, тем самым — не рядом, не параллельно — удерживало, более того, интенсифицировало... крепостничество» (стр. 93). Получается, будто бы крупное промышленное производство как «верхушка капитализма» по своему происхождению в условиях России не связано с собственным развитием капитализма вообще. Автор здесь смешивает разные вещи. Страны «раннего» капитализма проходили этот этап в более длительные сроки, а страны «позднего» капитализма — быстрее (что вполне естественно), но отнюдь не миновали его. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран». Он приводил, в частности, следующий пример: «За 10 последних лет (1886—1896) выплавка чугуна в России утроилась... тогда как Франция, напр., сделала подобный шаг в 28 лет (1852—1880), С-Штаты в 23 года (1845—1868), Англия в 22 года (1824—1846), Германия в 12 лет (1859—1871)»¹⁰.

Российский капитализм проходил ту стадию промышленного капитализма, для которой характерно наличие свободной конкуренции, с 1861 г. по начало XX в., то есть быстрее, чем страны «раннего» капитализма (Англия и Франция). В России было в 1851 г. (по данным Валуевской комиссии, использованным в записях К. Маркса) 9526 предприятий, в 1870 г. — 18 892, в 1887 г. — 30 888, а в 1897 г. — 39 029¹¹. Значительный рост их числа наблюдался в 60-е—80-е годы XIX в., когда страна была втянута в мировой рынок; в 1873—1875 и 1881—1883 гг. она переживала циклические кризисы, во время которых не выдержавшие конкуренции предприятия разорялись. Следовательно, говорить о том, что Россия проскочила через период (этап или эпоху) свободной конкуренции, значит извращать действительный ход исторического развития нашей страны.

Попытка исключить из истории русского капитализма стадию свободной конкуренции вносит путаницу в понимание вопроса о его перерастании в империализм. Как известно, это перерастание является выражением и результатом стихийной свободной конкуренции и анархии производства во всей капиталистической системе производства. А между тем К. Н. Тарновский отрывает империализм от его основы. Он пишет, что «империализм — лишь часть капиталистического уклада» (стр. 18). При этом получается, что будто бы особенность экономики России состоит не в особенностях русского империализма и не в особенностях процесса породившей его свободной конкуренции, а в так называемой «переходности», «многоукладности», в которой сам империализм является лишь составной частью, укладом. Сторонники этой точки зрения забывают указание В. И. Ленина о том, что «нигде в мире монополистический капитал без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать... Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнажится старый капитализм. Стоять на такой точке зрения, что есть цельный империализм без старого капитализма, — это значит принять желаемое за действительность»¹².

В. И. Ленин создал учение об империализме как высшей и последней, загнивающей стадии капитализма. Он писал, что «империализм... особая стадия капитализма», что «старый капитализм отжил. Новый

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 490.

¹¹ «История СССР», 1973, № 3, стр. 46; П. И. Лященко. История народного хозяйства. Т. 2. М. 1939, стр. 438.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 154.

является переходом к чему-то»¹³. Он показал, что при империализме созрели все материальные предпосылки для перехода к социализму, и сделал вывод, подтвержденный жизнью: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата»¹⁴. В. И. Ленин дал характеристику пяти основных признаков империализма, причем все они взаимосвязаны, происходит их «сращивание», что, собственно, и приводит к новейшему и последнему этапу в развитии капитализма. При исследовании эпохи империализма центральным является вопрос о вызревании материальных предпосылок победы социалистической революции и условий для последующего построения социализма. В связи с этим особенно важно выяснить, как сочетание всех признаков империализма в России сказалось на степени ее готовности к социалистической революции.

В. И. Ленин указывал, что Россия являлась страной со средним уровнем развития капитализма, с высоко развитыми формами капитализма в промышленности, с самым передовым революционным пролетариатом. В то же время она была наиболее слабым звеном в цепи империализма, что и обусловило крушение капитализма в ней в первую очередь. А между тем у авторов сборника обнаруживаются и в этом вопросе путанные представления. Так, К. Н. Тарновский указывает в начале своей статьи, что прочным достоянием науки стал вывод об отсутствии принципиальных отличий российского монополистического капитализма от империализма более развитых экономических государств Западной Европы и Америки (стр. 16); он ссылается на совершенно верные выступления на международной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в которых говорится о России как о стране со средним уровнем развития капитализма и с высокой концентрацией промышленности и пролетариата (стр. 41). И тут же К. Н. Тарновский цитирует выступление П. В. Волобуева, в котором отсутствует четкость: «Несмотря на господство крупного индустриального капитала, Россия была отсталой, преимущественно земледельческой страной... она занимала своеобразное, так сказать, срединное, положение в мировой капиталистической системе» (стр. 41). Здесь не подчеркнуто, что Россия была не вообще отсталой, а лишь по сравнению с наиболее передовыми капиталистическими странами Запада. Как известно, В. И. Ленин назвал рассуждения о том, что социалистическая революция может произойти только в самой развитой капиталистической стране, карикатурой на марксизм. Он разъяснил, что в силу сложившейся исторической ситуации Россия оказалась наиболее слабым звеном в цепи империализма. Поэтому именно она проложила дорогу к социализму другим странам и ее опыт имеет не только местное, региональное, но и международное значение¹⁵. В. И. Ленин исходил при этом из наличия в России предпосылок как для победы социалистической революции, так и для построения социализма.

По степени концентрации капитала в промышленности Россия не уступала самым передовым капиталистическим странам, а по степени концентрации пролетариата даже превосходила их. Особенно быстро развивалась промышленность на юге России (Криворожье, Донбасс), оставляя позади такие районы, как Урал. Отставание Урала объяснялось отсутствием там каменноугольной базы, путей сообщения и значительным сохранением феодально-крепостнических пережитков не только в сельском хозяйстве, но и промышленности. Однако, как нам кажется, из этого неправильно было бы заключать, что район Урала представлял собой особую экономическую систему, не связанную с общими

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 385, 342.

¹⁴ Там же, стр. 308.

¹⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 3.

процессами развития экономики России. А между тем В. В. Адамов относит горнозаводское хозяйство к крепостническому укладу. При этом он утверждает, что отмена крепостного права «не привела, да и не могла привести, к разрушению оригинального строя и такому подрыву ее (так в тексте.— И. К.) основ, при котором он должен был рухнуть при первом же натиске новых буржуазных отношений» (стр. 245). Данный вывод прямо противоположен ленинскому анализу особенностей развития уральской горнозаводской промышленности.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин писал: «В последнее время и Урал начинает преобразовываться под влиянием новых условий жизни, и это преобразование пойдет еще быстрее, когда его теснее свяжут с «Россией» рельсовые пути»¹⁶. Факты, подтверждающие это положение, приводятся, в частности, в статье Т. К. Гуськовой «Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX — начале XX вв.»: «Хотя концентрация и техническая оснащённость заводов значительно продвинулись вперед, за 1910—1916 годы были закрыты 7 из 12 металлургических заводов. На оставшихся заводах было обновлено силовое хозяйство, полностью вытеснены пудлинговое и кричное производства бессемеровским и мартеновским, обновлено прокатное и доменное оборудование и т. д.» (стр. 264). Эти факты, разумеется, не ставят под сомнение наличие на Урале полукрепостнических форм эксплуатации рабочих. Но они показывают, что эволюция там шла не вспять — к крепостничеству, а по пути дальнейшего развития капитализма, в результате чего сложился очень большой отряд промышленного пролетариата¹⁷.

Следует остановиться здесь и на одном из положений, выдвинутых К. Н. Тарновским, которое может быть истолковано как утверждение об искусственном насаждении российского капитализма. К. Н. Тарновский пишет: «В ходе ее (исследовательской работы.— И. К.) было обращено особое внимание на положение Маркса, Энгельса и Ленина об «искусственном росте» крупной промышленности в России, о том, что пореформенный период характеризовался не только усиленным развитием капитализма «снизу», как это было в странах раннего капитализма, но и его насаждением «сверху»; и именно в «насаждении» капитализма стали усматривать одну из принципиальных особенностей складывания системы крупнопромышленного производства в России, что явилось, таким образом, методологическим итогом проделанной исследователями работы» (стр. 17). О каких исследователях, пришедших к такому итогу, идет речь, К. Н. Тарновский, к сожалению, не указывает. Но не в этом суть дела. Приведенная цитата может дать повод для отождествления народнических теорий «об искусственном насаждении капитализма» со взглядами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Автору следовало бы пояснить, что, сказав о том, что «внезапный нынешний рост современной «крупной промышленности» в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п.», Ф. Энгельс дальше писал: «То же самое имело место во Франции, где запретительная система действовала уже со времен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти уже завершила свой промышленный переворот...»¹⁸. Таким образом, ни о каком особом, свойственном только России, искусственном насаждении крупной промышленности Ф. Энгельс не говорил. Так утверждали только

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т 3, стр. 494.

¹⁷ См. об этом рецензию Ф. Быстрых и В. Кривоногова на тот же сборник: «Уральский рабочий», 4 III.1973.

¹⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 160—161.

народники, за что В. И. Ленин и подверг их взгляды убедительной критике.

Итак, мы считаем, что представления ряда авторов сборника по вопросу об особенностях социально-экономического развития России в конце XIX — начале XX в. ошибочны и таят в себе опасность возрождения уже опровергнутых наукой теорий.

Укладами в капиталистической России являлись сохранившиеся в более или менее значительном размере остатки прежних формаций и мелкобуржуазное, мелкотоварное, по преимуществу крестьянское хозяйство, служившее питательной базой для возникновения капиталистических отношений в деревне. В. И. Ленин в 1918 г. указал на следующие существовавшие тогда в стране уклады: патриархальное, то есть в значительной мере натуральное, крестьянское хозяйство; мелкотоварное производство; частнохозяйственный капитализм; государственный капитализм; социализм¹⁹. Если исключить из этого перечня социализм, добавить полукрепостнический уклад, уничтоженный Великой Октябрьской социалистической революцией вместе с помещичьим землевладением, и учесть, что до революции Россия являлась страной, где налицо была капиталистическая формация, то получится перечисление укладов, существовавших в капиталистической России. Основными из них были: 1) патриархально-натуральное хозяйство; 2) мелкотоварное производство и 3) феодально-крепостнические пережитки.

Какова же судьба, место и роль каждого из этих укладов в капиталистической России? Патриархально-родовые, натуральные отношения сохранялись в глухих местах, отдаленных от средств связи и рынков — на окраинах, главным образом в национальных районах. Полезный материал по данному вопросу содержится в ряде статей сборника. В отношении патриархального строя жизни В. И. Ленин писал: «В пореформенной России от подобного патриархального хозяйства, — в котором еще совершенно нет ни капитализма, ни товарного производства, ни товарного обращения, — остались только обломки, именно: домашние промыслы крестьян и отработки»²⁰. В отношении мелкобуржуазного уклада, мелкотоварного производства дело обстоит значительно сложнее. Прежде всего его особенность состоит в том, что он возник еще в недрах феодально-крепостнического строя, а также существовал в пореформенной России и играл большую роль при капитализме. В дореформенное время мелкотоварное хозяйство служило основой, на которой в ходе разложения феодализма развивалась начальная стадия капитализма. Промышленный переворот и возникновение крупного промышленного капитала усиливали разложение раннекапиталистических форм промышленности.

В сельском же хозяйстве, в деревне в пореформенное время роль мелкотоварного производства не уменьшалась. Оно являлось своего рода питательной средой, из которой «ежечасно, ежеминутно» возникает капитализм. Поэтому правильная трактовка роли этого уклада очень важна. Народники, как известно, видели в нем паначею от капитализма. Полемизируя с ними, В. И. Ленин доказал, что мелкотоварное производство есть самая глубокая база капитализма. Он писал: «Строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный уклад»²¹. Широко известно положение В. И. Ленина о том, что «вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»²².

¹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 296.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 378.

²¹ Там же, стр. 165.

²² Там же.

Между тем М. Я. Гефтер отрицает наличие в дореволюционной России мелкобуржуазного уклада в деревне. «Думаю,— пишет он,— что и о мелкобуржуазном укладе в деревне, именно как укладе, можно говорить только после Октября, когда аграрная революция перераспределением земель (в том числе за счет кулака) осереднячила деревню» (стр. 98). Такое утверждение можно объяснить лишь тем, что автор его не разобрался в вопросе об истоках зарождения капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Вопрос о феодально-крепостнических пережитках в сельском хозяйстве России в пореформенное время и в период империализма имеет сложную историю. Различный подход к нему обнаруживается не только в статьях рассматриваемого сборника, но и в ходе дискуссий, которые велись по этому поводу ряд лет. «До недавнего времени считалось,— пишет К. Н. Тарновский,— что развитие социально-экономических отношений в начале XX века шло по линии более или менее быстрого изживания остатков крепостничества, сужения базы и задач буржуазно-демократической революции и соответствующего расширения материально-организационных предпосылок социализма и социалистического движения» (стр. 43). Последнее положение (то есть то, что в начале XX в. росли материальные предпосылки социалистической революции) не вызывает возражений, так как общеизвестно, что вместе с ростом промышленности в России рос и пролетариат как движущая сила социалистической революции. Однако на первых двух положениях следует остановиться особо.

Известно, что в свое время меньшевики (Ларин, Рожков и др.) утверждали, будто бы столыпинская реформа перемолола все остатки крепостничества и в России аграрный строй по своему типу приблизился к западноевропейскому; поэтому буржуазно-демократическая революция снимается с повестки дня, а до социалистической еще очень далеко. Подавляющее же большинство советских историков считало, что развитие сельского хозяйства в России шло в основном по «прусскому пути», то есть по пути медленной и мучительной для крестьян эволюции, при сохранении значительных феодальных пережитков; крестьянство боролось против этого и выступало за демократический, так называемый американский, путь развития капитализма. В этой связи представляет интерес различный подход к анализу данной проблемы в работах А. М. Анфимова и С. М. Дубровского. А. М. Анфимов в одной из своих статей делает вывод: «В земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки еще превалировали над капиталистическими. Это было верно не только для 1907 г., но и для всего периода столыпинской реформы, вплоть до первой мировой войны»²³. С. М. Дубровский в отличие от него писал, что «не следует впадать в крайности — преувеличивать или остатки крепостничества, или развитие капитализма. Правильная оценка остатков крепостничества — основа для верного понимания предпосылок первого демократического этапа революции. В то же время правильное представление о степени развития капитализма дает возможность верно оценить и наличие предпосылок второй социальной войны — предпосылок перерастания демократической революции в социалистическую в деревне при победе пролетарской революции во всей стране»²⁴.

Касаюсь дискуссии по проблемам аграрного строя России начала XX столетия, состоявшейся в мае 1960 г. на сессии Научного совета «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», К. Н. Тарновский пишет, что сессия показала «недостаточ-

²³ А. М. Анфимов. К вопросу о характере аграрного строя России в начале XX века. «Исторические записки» № 5, стр. 121.

²⁴ С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. М. 1963, стр. 502.

ность исходной постановки вопроса полемики: нельзя преувеличивать, но нельзя и преуменьшать степень развития капиталистических отношений в аграрном строе страны — на таком малообязывающем положении могли «сойтись» спорившие стороны» (стр. 19). В том-то и дело, что «могли сойтись», но не сошлись. «Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, — пишет М. Я. Гефтер, — то крепостнический уклад является фактически все-российским. Таким делало его количество втянутых в него людей, воздействие на освоение Зауралья и других окраин...» (стр. 91). Однако в действительности положение было иным. В Сибири, где почти полностью отсутствовало помещичье хозяйство, преобладало мелкотоварное производство. После проведения Транссибирской железной дороги здесь резко возросла товарность сельскохозяйственного производства. Сибирь давала 74% масла на экспорт и 64% поставок его внутри страны. Кулачество, составлявшее в Сибири 15—20% крестьян, поставило на рынок 50% всей сельскохозяйственной продукции²⁵. На Северном Кавказе и Юге капитализм в сельском хозяйстве также развивался в более свободных условиях. В. И. Ленин, изучив широкий круг источников (в том числе материалы С. А. Короленко и картограммы Н. Ф. Анненского), пришел к выводу, что из 43 губерний Европейской России в 17 преобладали полукрепостнические, в 19 капиталистические и в 7 смешанные формы хозяйства. Известны также данные о расслоении крестьянства в это время: 15—20% богатеев и кулаков владели от 35 до 50% общинной земли, которая формально делилась по душам «поровну»; в их руках находилось 52,6% всех крестьянских лошадей, тогда как 50% бедноты имели общинной земли от 20% до 30% и 13,7% лошадей. Кроме того, в деревне имелся слой середняков, составлявший 30% всех крестьян²⁶.

Поскольку приведенные и многие другие данные не подтверждают процитированные положения, М. Я. Гефтер, А. М. Анфимов и некоторые другие авторы, по существу, пытаются пересмотреть выводы В. И. Ленина, сделанные в «Развитии капитализма в России», противопоставляя им его работы и высказывания 1906 года. Так, К. Н. Тарновский пишет: «Изучая литературу вопроса, А. М. Анфимов обратил внимание на то, что авторы, недооценивающие, на его взгляд, силу пережитков крепостничества в аграрном строе России, зачастую опираются не на всю систему взглядов В. И. Ленина по аграрному вопросу, а на отдельные произведения и даже цитаты, игнорируя другие ленинские высказывания»²⁷. Однако дело обстоит наоборот. Именно К. Н. Тарновский и А. М. Анфимов, опираясь на отдельные высказывания В. И. Ленина и неправильно их трактуя, ставят под сомнение некоторые важные выводы крупнейшей его работы «Развитие капитализма в России». При этом приводятся слова В. И. Ленина, который писал, что «точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях»²⁸. Далее они ссылаются на слова В. И. Ленина из статьи, написанной в 1906 г.: «В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России»²⁹. На этом основании утверждается, что картограмма Н. Ф. Анненского, ко-

²⁵ См. «Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма». Тезисы сообщений. Свердловск. 1969, стр. 184.

²⁶ См. В. И. Ленин ПСС. Т 3, стр. 129, 139 и др.

²⁷ «Проблемы социально-экономической истории России». М. 1971, стр. 270—271.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т 3, стр. 183.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т 12, стр. 249—250.

торию В. И. Ленин привел в своем труде после глубокого изучения материалов как Н. Ф. Анненского, так и С. А. Короленко, не отражает действительной картины расслоения деревни. Критикой материалов Анненского и Короленко фактически прикрывается пересмотр выводов, сделанных В. И. Лениным на основе этих данных. Между тем В. И. Ленин позднее не раз подтверждал свои выводы по этому вопросу. В 1907 г. он вновь констатировал «преобладание отработочного хозяйства у помещиков» в 17 губерниях Европейской России³⁰. В 1908 г., опять приводя картограмму Анненского, В. И. Ленин пишет: «К концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожая и т. д.»³¹. Наконец, в 1909 г. в письме к И. И. Скворцову-Степанову он заявлял: «Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве и в крестьянском, и вне и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесспорно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два. Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным»³².

А. М. Анфимов стремится заменить данные Анненского сведениями из диссертации Л. П. Минарик³³. Она изучила по закладным документам Дворянского банка 155 имений помещиков-магнатов (то есть относительно небольшую их часть)³⁴, каждое из которых имело свыше 50 тыс. десятин, с общим количеством земли в 16,2 млн. десятин. Но даже по ее подсчетам капиталистические формы ведения помещичьего хозяйства преобладают над полукрепостническими: 58% всей запашки помещиков обрабатывалось помещичьим инвентарем, а 42% — крестьянским; при уборке хлебов 98,5% работ производилось крестьянским инвентарем, 53,5% этих работ выполнялось сдельно, то есть на капиталистических основах.

В приведенном выше высказывании В. И. Ленина из статьи, написанной в 1906 г., имелась в виду главным образом недооценка давления крепостнических пережитков на крестьянство. С этим В. И. Ленин связывает свои критические замечания в отношении аграрной программы, принятой на II съезде партии. Как известно, при обсуждении аграрной программы В. И. Ленин высказывался в принципе за национализацию земли, тогда как Аксельрод считал эту меру реакционной. В 1902 г. В. И. Ленин писал о национализации земли: «Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть»³⁵. Принятые же на II съезде партии требования о возврате отрезков, отмене выкупных платежей, конфискации удельных, кабинетских и монастырских земель, создании крестьянских комитетов должны были способствовать развитию борьбы в деревне против помещиков. Поясняя это, В. И. Ленин в

³⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 132—133.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 75.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 227 (Ильин — один из псевдонимов В. И. Ленина).

³³ Л. П. Минарик. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX — начала XX вв. Диссертация опубликована частично в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы. 1964». Кишинев. 1966.

³⁴ Дворянский банк имел за 1885—1917 гг. 64 тыс. дел (см. Н. Б. Селунская. Источниковедческие проблемы изучения помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX века. «История СССР», 1973, № 6, стр. 88).

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 337.

брошюре «К деревенской бедноте» писал: «Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть *дверь*. В эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы идти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти *до самого конца*, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси»³⁶. И далее он указывал: «Первый шаг в деревне — полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков. А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и буржуазии и устроим социалистическое общество*»³⁷. Позднее В. И. Ленин разъяснял, что «вместо частной задачи борьбы с *остатками старого* в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы *со всем старым земледельческим строем*»³⁸. III съезд партии принял резолюцию по аграрному вопросу, включающую требование конфискации помещичьих земель, что влияло на усиление борьбы крестьянства за землю.

Каково было соотношение феодально-крепостнических пережитков и капиталистических отношений в сельском хозяйстве в период империализма? Выше уже приводилось высказывание А. М. Анфимова о преобладании феодально-крепостнических пережитков в деревне вплоть до 1914 года. К. Н. Тарновский, как бы подводя под это положение теоретическую базу, пишет: «Воздействие капиталистического империализма на до- и раннекапиталистические уклады приводит не только к разрушению, но и к консервации этих последних» (стр. 39). Пытаясь обобщить результаты исследований по проблемам аграрной истории России, он делает следующий вывод: «Итоги предпринятых разысканий позволили преодолеть достаточно широко распространенное в литературе прошлых лет представление о более или менее прямолинейном развитии помещичьих латифундий по пути капитализма. Оно происходило, но в весьма противоречивой форме, ибо каждый шаг вперед по пути капитализма сопровождался усилением полукрепостнической эксплуатации крестьян, расширением кабалы и отработок» (стр. 20). В другом месте статьи К. Н. Тарновский пишет: «Таким образом, в России начала XX века происходило одновременное расширение базы как социалистического, так и буржуазно-демократического движения (последнее расширялось, разумеется, не потому, что феодально-крепостнические пережитки усиливались, а потому, что дальнейшее их сохранение становилось все более нетерпимым) и соответственно — обострение всех видов борьбы накануне и в ходе Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 44). В этих высказываниях, во-первых, налицо противоречие в оценке положения, во-вторых, вызывает возражение трактовка вопроса о консервации крупным капиталом отдельных форм хозяйства. Бесспорно, что крупный капитал, стремясь к достижению высокой нормы прибыли, использует и консервирует отсталые формы хозяйства. Но монополистический капитал в России не проник еще так глубоко в сельское хозяйство, чтобы подчинить себе помещичье и крестьянское хозяйство. Хотя империализм в некоторой степени и мог влиять на консервацию старых отношений, но, как известно, российская буржуазия поддержала столыпинскую реформу, проведя в 1910 г. соответствующий закон через Государственную думу. А столыпинская реформа была направлена на ускорение капиталистической ломки крестьянской деревни. Как убедительно показал сам А. М. Анфимов, удельный и абсолютный вес помещиков в составе собственников земли в XX в. уменьшился. С 1895 по 1905 г. помещики продали

³⁶ В. И. Ленин ПСС. Т. 7, стр. 190.

³⁷ Там же, стр. 188—189.

³⁸ В. И. Ленин ПСС. Т. 16, стр. 269.

8 млн. дес. (в среднем по 700 тыс. дес. в год), а с 1905 по 1912 г.— 10,3 млн. дес. земли (по 1,5 млн. десятин в год). В то же время с 1905 по 1912 г. число дворянских владений не только не сократилось, как это было в предшествующее десятилетие, но, наоборот, выросло на 8,3 тыс. Помещики выступали в качестве и продавцов и покупателей земли. За 1906—1913 гг. из проданных земель 3 173 тыс. дес. перешло к дворянам же³⁹. Такая перегруппировка в известной степени свидетельствует о том, что далеко не все полукрепостнические хозяйства выдерживали конкуренцию с обуржуазившимися хозяйствами, которые расширяли свои земельные владения. Земли переходили также к «чумазым» лендлордам — к купцам и кулакам, чему способствовал Дворянский банк.

Но не это главное. Главное состояло в том, что попытка осуществить капиталистическую ломку деревни «по прусскому» образцу обострила обстановку, усилила борьбу с помещиками, породила вторую социальную войну против кулака в деревне. В. И. Ленин писал в 1907 г.: «Гвоздь борьбы — крепостнические латифундии. Капиталистическая эволюция их стоит вне всякого спора, но она возможна в двойном виде: в виде революционного устранения, уничтожения их крестьянами-фермерами, и в виде постепенного перехода их в юнкерские хозяйства (с соответствующим превращением закабаленного мужика в закабаленного кнехта)»⁴⁰.

Столыпинская реформа усилила расслоение крестьянства. Вымывание середняцкого слоя суживало базу феодальных форм эксплуатации, хотя преуменьшать давление последних на крестьянство ни в коем случае нельзя. Если в конце 90-х годов XIX в. в деревне беднота составляла 50%, то в 1903 г. ее доля увеличилась почти до $\frac{2}{3}$, составив 6,5 млн. дворов (имеются в виду безлошадные и однолошадные крестьяне)⁴¹. Примерно о том же самом соотношении разных групп в деревне В. И. Ленин пишет позднее, указывая в 1918 г., что из 15 млн. дворов 10 млн. бедноты, 3 млн. середняков и «едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлеба»⁴². Эти цифры подтверждаются исследованиями советских историков⁴³. Прямым результатом углубления капиталистических отношений в деревне в итоге столыпинской реформы является рост наемного труда, который особенно широко применялся в кулацких хозяйствах.

Столыпинская реформа не достигла цели. Она не перемолола полностью полуфеодальных отношений, хотя и усилила кулаков. Вместе со старыми подворниками и перешедшими на хутора и отруба крестьянами по 40 губ. в личном владении оказалось 40,8% хозяйств⁴⁴. Реформа не сняла с повестки дня борьбы крестьян с помещиками за землю и обострила противоречия в деревне. Она привела к увеличению численности сельскохозяйственного пролетариата (достигшего 4,5 млн. человек) и деревенской бедноты, выступавших опорой и союзником пролетариата в его борьбе за власть, что явилось одной из предпосылок социалистической революции.

Неправильный анализ экономического развития России привел К. Н. Тарновского к ошибкам в определении расстановки классов и

³⁹ А. М. Анфимов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века). М. 1969, стр. 345—346.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 218—219.

⁴¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 151.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 40.

⁴³ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Тт. 1—2. М. 1967; П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. 1—2. М. 1966; С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа; М. А. Рубач. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Киев. 1957, и др.

⁴⁴ С. П. Трапезников. Указ. соч. Т. 1, стр. 203.

движущих сил в период Великой Октябрьской социалистической революции⁴⁵. Именно достаточно глубокое развитие капитализма в деревне и расслоение крестьянства делали возможным реальный союз рабочего класса и деревенской бедноты в борьбе за установление диктатуры пролетариата. В связи с тем, что в ходе социалистической революции решались попутно и буржуазно-демократические задачи (уничтожение помещичьего землевладения), пролетариат поддерживало большинство крестьянства.

Подведем некоторые итоги. Во введении к рассматриваемому нами сборнику В. В. Адамов пишет: «В последние годы проблема многоукладности привлекает к себе самое пристальное внимание не только историков, но и социологов. В литературе утвердилось и представление о многоукладном характере социально-экономического строя предреволюционной России. Важную роль в формировании нового направления сыграли работы П. В. Волобуева, И. Ф. Гиндина, П. Г. Галузо, Л. М. Иванова и других. Уже первые шаги разработки конкретных вопросов истории России XIX—XX вв. с учетом многоукладности ее экономики дали самые обнадеживающие результаты» (стр. 5). Между тем, как показывает ознакомление с некоторыми статьями сборника, эти результаты отнюдь не являются таковыми. Даже сам В. В. Адамов, видимо, не уверен в своих словах, ибо вынужден констатировать, что в ходе обсуждения «у историков и представителей других общественных наук не оказалось единого мнения по таким кардинальным вопросам проблемы, как определение содержания самих понятий «уклад» и «многоукладность», «господствующий уклад» и т. п. Особенно много вскрылось неясного в вопросах, связанных с механизмом взаимодействия разных укладов» (стр. 5)⁴⁶. И это понятно. «Теория многоукладности», выдвигаемая рядом авторов сборника, расходится с марксистско-ленинским учением о законах общественно-экономических формаций. Попытка исходить из этой «теории» привела указанных авторов к неправильному толкованию кардинальных проблем истории нашей страны в эпоху капитализма в целом и на империалистической его стадии в особенности.

⁴⁵ См. об этом рецензию П. А. Голуба, В. Я. Лаврычева, П. Н. Соболева: «Вопросы истории КПСС», 1972, № 9.

⁴⁶ Симптоматично и то, что подавляющее большинство статей сборника не имеет отношения к обоснованию положений, которые подвергнуты критическому анализу; в них содержится полезный материал, характеризующий отдельные вопросы социально-экономического развития в ряде районов страны, развития сельского хозяйства, мелкой промышленности, транспорта, кредита.